

Илья Кнабенгоф

Тори

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
К53

Кнабенгоф И. Л.

Тори / И. Л. Кнабенгоф — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2020. — 74 с.

ISBN 978-5-532-04934-5

Книга о том, как трудный ребенок, которого люди считали изгоем, в итоге пройденных приключений и любви отца оказывается правителем иной планеты. Сюжет основан на реальных воспоминаниях прошлых жизней автора, но, конечно, приукрашен и дополнен до художественного повествования. И, конечно, эта книга служит предостережением о том, что к каждому человеку нужно относиться с уважением и пониманием, ибо никогда не знаешь, кто он на самом деле внутри, и кем он окажется в итоге, аки и беда может обернуться в любой момент волшебным даром, если правильно её рассмотреть.

ISBN 978-5-532-04934-5

© Кнабенгоф И. Л., текст, 1994
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

«В действительности все совершенно иначе, чем на самом деле.»

(Антуан де Сент-Экзюпери)

Глава 1

Серебряные птицы. Переливающееся серебро на серо-стальных крыльях. Длинный искрящийся вихрь из перьев и сотни голосов, перекликающихся между собой таинственной песней на неизвестном языке. Сотня песен, сливающихся в один водоворот, который скручивает воздух и серебро... серебро... серебро...

Уже вечер. Я медленно шагаю по берегу моря и подбираю выброшенных штормом рыбешек, морских звезд и медуз. Красное солнце, попеременно становящееся зеленым, грузно и нехотя опускается в только начавшее успокаиваться море. Уходящий грохот ветра напоминает заключительный акт какой-то грандиозной оперы. Я напряженно пытаюсь вспомнить какой именно, и в этот момент воздух высвечивается желтизной, и ветер начинает закручивать желтые вихри над серыми и в то же время оранжевыми волнами. Это зрелище никогда не оставляло меня равнодушным. Солнце перевалило теперь более на зеленую сторону, чем на красную, и небо соответственно схамелионилось с темно-синего на грязно-зеленое. Я присел на прибрежный валун, поднял камешек и запустил его в `дальнее` плавание. Раз... два... три... четыре... Я встал и пошел дальше, прежде чем камень утратил свои плавательные способности и с легким плеском скрылся в очередной волне. Иногда я заходила далеко от дома, и темнота накрывала берег настолько быстро, что я не успевала добежать до крыльца. Наваливалась непроглядная темень, и я, стоя в пяти шагах от дома, не могла разглядеть ни окон, ни тропинки, ни даже силуэта самого дома. Понимая, что на этот раз ночь обманула меня, я садилась на корточки и начинала кричать: `Папа!.. Папаааа!..` Отец, смеясь, выходил с фонарем на крыльцо и спасал меня в очередной раз от `неминуемой голодной смерти`. Чем старше я становился, тем чаще такие вещи со мной происходили и не только такие... Старше – это понятие, в отношении меня, довольно растяжимое. Судя по рассказам отца, мне что-то около двадцати, а второму мне (о котором отец не знал, или знал, но молчал) было около

пяти. При всем этом, моя личная интуиция подсказывает мне, что я на пару сот лет старше. Это сложно объяснить, потому как я даже сама себе не могу объяснить этого и еще много чего другого. Когда я сажусь и начинаю себя вспоминать `до рождения`, у меня начинает раскалываться голова, и предметы вокруг меня начинают совершенно сходить с ума, меняя все оттенки радуги. Поэтому я оставил все как есть и сказал себе: `Пусть будет, что будет`. Сказал – это тоже понятие относительное по отношению ко мне. Я не умею говорить в общепринятых понятиях. Когда я говорю, что кричу: `Папа!` – это означает, что я кричу: `А-а-а-и-и-и!`, и наоборот. Говорю я сам с собой, что тоже иногда затруднено быстрой сменой нескольких потоков мыслей с разных сторон. Отца я всегда понимала без труда, потому как со слухом у меня все в порядке, а вот речи я так и не выучился. Несколько звуков, которые я умею издавать (и при желании громче, чем полицейская машина, которая догоняет кого-либо, что я неоднократно видел по телевизору), сводятся к неконтролируемому потоку гласных. Отец, правда, всегда понимал что я хочу сказать каким-то интуитивным способом, который был известен только ему одному.

Сколько я себя знаю, мы всегда жили с ним в старом доме на берегу моря, которое на самом деле являлось частью океана, позарившегося в свое время на этот кусочек пустынной земли. Пустынной эта земля была отнюдь не из-за пустыни, а по причине гор, на которых ничего не росло, не водилось, не прыгало и не ползало, и которые подступали к самой воде, неизвестно где начинаясь, и являлись наилучшим средством защиты для нас обоих. Людей я не видел вообще, по крайней мере в последние лет десять, и жили мы довольно-таки спокойно.

Отец никогда ничего не объяснял о причинах столь скрытного проживания, о котором я догадался когда впервые увидел телевизор, и понял, что нас на этой планете `чуть` больше, чем я думал. Меня вообще это никогда не расстраивало. Я чувствовал мало симпатий к людям и поэтому не спрашивал его ни о чем. Мое доверие к отцу за все время ни разу не пошатнулось, и я во всем ему верил и знал, что

он лучше знает что делать, как жить, где гулять и кого можно ловить и есть и кто может съесть тебя самого.

Он всегда знал что я думаю по тому или иному поводу, расспрашивая меня часами о разных пустяках, которым я не придавал особого значения, и мне всегда было смешно объяснять ему такие вещи как вода, огонь, горы, небо. Не то, чтобы он не знал что это такое на самом деле, а просто ему всегда было интересно что я думаю об этих вещах. Позднее я стал понимать его мотивы к познанию моих умозаключений. Но это было позднее, а сейчас мне было просто весело и я старательно рисовал разных рыб, пузыри воздуха, водоросли, тонущего человека, акул с острыми зубами и много всего подобного потому, что он меня просил объяснить мои чувственные ощущения от моря.

Выкручивая пальцы, делая умное лицо, я рассказывала о последнем, увиденном мною, фильме про подводную жизнь. Когда же была исписана целая стопка листов, изрисована половина очередного альбома и вконец устали руки, он вдруг остановил меня, по-своему открыто и весело засмеялся, встал и сказал, что на сегодня хватит и пора спать. И все также смеясь, пошел наверх, чтобы как всегда перед сном посидеть на веранде, выкурить сигарету и посмотреть на океан. Его часто смешило, когда я о чем-либо горячо `рассказывал` и размахивал руками и карандашом. Я никогда не обижался на него, ибо понимал, что в конечном счете на его месте я бы просто лопнул со смеху, глядя на такую ситуацию. Иногда мне очень хотелось узнать, о чем он думает, когда сидит там наверху. Может быть, он думает о том, что называется `жизнь`, хотя я так до конца и не понял значения этого слова, тем более не понял плакать ли или смеяться при этой штуке. Надо бы спросить его как-нибудь...

Глава 2

Позвонили мне ночью в офис. За два дня я пополнил мусорный бак таким количеством выкуренных пачек сигарет, что если бы я выложил их в ряд, то наверняка испугался бы. Было три часа, когда затрезвонил телефон. В голове у меня все как взорвалось, и я спросонья, не разобрав что к чему, заорал в трубку какую-то рекламную ахинею нашей фирмы, но радостный и вместе с этим официальный голос мягко меня прервал.

– Говорит медицинский центр 'Моника'. Вы, наверное, будете мистер Юргенсен?

– Да. Вы уж простите меня за эту галиматью...

– У вас сын!

Надо сказать, эти три слова меня сразили наповал. Не то, что бы я боялся чего-то, но все же известие о благополучном рождении сбросило мне камень с плеч.

– Он в порядке? Большой? – забросал я вопросами дежурную.

– Все о`кей! Приезжайте.

И только когда я приехал к центру и влетел мимо охраны в двери с букетом цветов я увидел лицо нашего друга врача, который по нашей просьбе сам принимал роды. Моя улыбка погасла, и вместе с ней стал меркнуть свет. Я осел вдоль стены на пол и тупо уставился на него.

– ?!

– Крепись Ронни! Я не хотел сразу говорить, но...

– Пат?! Я не верю. Это розыгрыш, да?

– Нет, Ронни! Это не розыгрыш. Она просила передать тебе последний привет. У нее был выбор – или она или сын. Она решила подарить тебе сына. Теперь ты – отец! Тебе многое предстоит сделать, чтобы вырастить мальчика. Ты должен быть в норме, должен иметь силы, чтобы в скором времени взять на себя все заботы.

– Да, да. Я понимаю. Я все понимаю. Я сейчас... все пройдет. Сейчас...

Я сидел, и круги в глазах превращались в черные зловещие кольца каких-то ядовитых гадов, которые душили меня за горло и не давали глотнуть воздуха. Комок в горле заслонил собой все вокруг. Я пришел в себя часа через два. Сидя в коридоре, я невпопад кивал головой на успокаивающую болтовню врача, а в голове стучали два больших колокола.

– Буммм!.. Ты понимаешь, Ронни, мы же... Буммм!.. Мы не могли... Буммм!..

И тут я увидел идущую к нам по коридору женщину. Она, спотыкаясь, шла вдоль стены. В ее глазах с черно-синими синяками застыли слезы. Она пошаркала мимо бормоча: `Сынок, Тори, ну как же это?! Как же я теперь?!`

Ее подхватил какой-то парень и бережно повел к выходу.

– Пойдем, мам. Ему уже не поможешь. Пойдем домой.

– Нет, ну, как же, а?! Как теперь-то?! Как без Тори-то?!

Я встал и взял за плечо сидящего со мной врача.

– Покажите мне его!

– Да, да. Конечно! Пойдемте.

Мы вошли через множество стеклянных дверей в спец. палату. Медсестра бережно приподняла лежащего на столе ребенка, взяла его на руки и поднесла ко мне. Я долго смотрел на него, взял тихонько его руку и понял, что это человек, ради которого я отдам всю свою жизнь и даже больше, если потребуется.

Я посмотрел в его еще сморщенное личико и сказал:

– Здравствуй, Тори!

Прошли первые полгода его жизни, полгода кошмара, состоящего из пеленок, простынок, жуткого крика и бессонных ночей. Я нанял медсестру, которая помогала мне во всем, точнее я ей помогал. Как только она вошла к нам, она критически посмотрела на кричащего ребенка и мой растерянный вид и скептически заметила, что, мол, я могу заниматься своими делами и лучше ей не мешать. Несмотря на ее просьбы `чтоб я не путался под ногами`, я все же все свое время посвящал учению обращаться с мальчиком, чем порой очень ее смешил. Видано ли, менеджер компьютерной торговли стирает пеленки.

Однако через месяц я завоевал ее уважение в этом вопросе, и она охотно объясняла мне что к чему.

Надо сказать, мальчик родился крепкий и на редкость здоровый. Единственное, что меня беспокоило, было его непонимание человеческой речи. Он как бы существовал совершенно независимо и совершенно не реагировал на проявления к нему ласки. Такие обычные вещи, как уговаривания поесть или убаюкивания, были абсолютно неприменимы. Он ел только когда ему хотелось, спал когда хотел, и вообще всем своим видом как бы говорил, что он тоже кое-что понимает в этих вещах.

Прошел год, прежде чем я стал опасаться за его речь. После долгих осмотров и обследований мои догадки переросли в уверенность врачей что, видимо, Тори никогда не произнесет ни одного сознательного слова. Его связки не были предрасположены к выговору слов. Он мог только издавать открытые звуки, состоящие в основном из гласных, но, в конце концов, я решил, что это не столь уж тяжелое испытание. Главное было позади — он был жив и здоров.

Медсестра, совершенно обосновавшись у нас в доме, была теперь и няней и хозяйкой и домработницей и дворецким. Но и она собиралась нас покинуть, так как ребенок уже подрастал, а я справлялся вполне со всеми обязанностями. Я решил вырастить и воспитать Тори сам, без чьей-либо помощи. Я продал наш большой дом, бросил работу и переехал за город, купив там небольшой домик с садиком. Я считал крайне важным, чтобы ребенок вырос на природе, а где может быть больше природы, чем посреди леса.

Пат оставила достаточно, чтобы можно было жить безбедно нам обоим, да и у меня было сколочено неплохо, и мы могли спокойно жить на проценты, кои получали исправно по почте, так как ехать с Тори в город мне не хотелось, а оставить его было не с кем. Так и началась наша совместная жизнь; вернее начиналась его, и я очень хотел, чтобы он никогда не пожалел что вырос без матери.

Глава 3

Мне был год, когда я впервые осознал, что вокруг творится что-то не то. Вам, наверное, странно слышать, что я, возраст которого исчислялся двенадцатью месяцами, мог что-то осознавать. Однако это действительно было так. Я помню даже как впервые открыл глаза и сразу увидел мерцающее лицо надо мной, которое улыбнулось и сказало: `Привет, Тори!` С того дня я старался почаще держать их открытыми и, лишь когда они сами собой закрывались, я опять проваливался в темноту, которую невзлюбил сразу же. Мои глаза долго привыкали к мельтешащему красками миру. Поначалу это мелькание было настолько хаотичным, что я совершенно терялся в обстановке. Одеядло, под которым я лежал, успевало за минуту переменить цветов пять и к концу этого отрезка времени я уже и не знал: одеядло ли это вообще?!

Через пару месяцев я уже научилась кое-как управляться с этим обстоятельством, а хаос достиг двух цветности и на том остановился. Я перестала удивляться, когда кубик или мяч в моих руках становились из красного желтым или из синего зеленым. Дольше я привыкал к небу. Оно постоянно находилось в смещенной перспективе, не говоря о цвете, и становилось то высоким, то низким.

Примерно к двум с половиной годам я начал понимать четкий смысл речи отца и тут-то начались сложности. Сложности начались с книжки-раскраски, которую отец купил, чтобы я учился рисовать. Я старательно разрисовал картинки как мог и как раз заканчивал малевать последнюю, когда отец вошел и увидел мое искусство. Выражение его лица изменилось настолько, что я даже испугался. Затем мы вышли на крыльцо, и он показал мне на небо, а затем на синий карандаш. Я упорно смотрела на небо, но ничего синего в нем не нашла: оно было желто-фиолетовым и нормальные красные тучи плыли по небу, напоминая куски ваты. Отец взял книжку и стал закрашивать небо синим цветом, которое, естественно, через минуту стало желтым. Карандаш тоже сделался желтым и чуть смазлся в очертаниях, но отец, казалось, этого не заметил. Я закивал